

Терпи, казак, олимпийцем будешь

Что требуется от людей в галифе и папахах в сложной международной обстановке

вне игры

АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ

В то время, как казацки войска наблюдают за порядком на Играх, наш специальный резидент АЛЕКСАНДР ЗИЛЬБЕРТ понаблюдает за наблюдающими — и увидит немало нового для себя.

Одним из своих объемнейших боков главный пресс-центр Игр выходит на улицу Казачья. При этом олимпийский штаб самих казаков находится на «Чистых прудах». А что — здесь рядом и «Александровский сад» есть, так именуются гостиничные комплексы для прессы и обслуживающего персонала Игр. Так вот казаки заняли «Пруды» и являются теперь самым что ни на есть олимпийским персоналом. Их тут полтысячи. И они уже успели стать объектом притяжения сотни теле- и фотокамер, нашей национальной достопримечательностью — такой, какими на прошлой Олимпиаде стали лондонские бобби.

— По указу губернатора Краснодарского края Александра Ткачева казаки из 21-го казачьего общества Краснодарского края прибыли на Олимпиаду для участия в охране общественного порядка совместно с полицией, — чеканит заместитель атамана Кубанского казачьего войска Валерий Ефремов, главный человек в «чистопрудном» штабе.

— То есть чужие здесь не ходят. А зачем, если своих хватает? — продолжает заместитель атамана. — Нами и среди них был жесточайший отбор сделан. К тому же они лучше знают местность...

— Волонтеров отбирали по уровню знания иностранных языков, по умению кататься на горных лыжах. А у вас какие критерии для олимпийцев?

— На первый план в такой сложной международной обстановке, считаю, выходит одно качество — выдержка. И у нас было время, чтобы отсортировать по этому параметру лучших. Мы зашли сюда еще прошлой осенью и вместе с соответствующими органами проводили проверку законности пребывания граждан на территории РФ. Более 300 тыс. человек проверили. Казаки обошли все квартиры, все дома, все стройки, все рынки, магазины и кафе. На Олимпиаде теперь те, кто зарекомендовал тогда себя с лучшей стороны. И инструктаж мы с ними специальный проводили. Толковали об учтивости, патриотизме, если люди хотят сфотографироваться — не препятствовать! Форма-то у нас красивая!

Тем не менее традиционные нагайки и тем более клинковое оружие казаков попросили в Сочи не брать. Это положено.

— Нагайки действительно являются атрибутом нашей форменной одежды, но за-

В аэропорту казаки приставлены встречать прилетающих (фото внизу), а в целом находятся в полном подчинении полиции ФОТО АР

казак в том случае, если он уже совершил какое-то правонарушение. Но нужны.

— Неужели не хватает полиции?

— Местное население к казакам относится более лояльно, чем к полиции. Нас уважают, к нам прислушиваются, — объясняет заместитель войскового атамана. — Даже президент Путин как-то сказал, что казаки порой несут службу эффективнее полицейских. По опросам, 80% населения края поддерживает создание наших дружин. В половине районов уличная преступность снизилась почти наполовину. Мы считаем, это во многом наша заслуга.

Но здесь на время дежурства казаки поступают в полное подчинение к полицейским.

— Не напрягает это подчинение?

— Нет такого. Мы ведь уже говорили про выдержку.

Понаблюдать за выдержкой я решил в аэропорту — объекте повышенной важности. Патруль из двух молодых казаков, встречающий прилетающих на выходе из терминала, видно за версту. Ростом-то они, конечно, поменьше стоящих поодаль полицейских, но форма — шик. Хромовые сапоги, заправленные в них брюки-галифе, китель, белая рубашка, галстук, бекеша, португез, папах, элегантный шарфик и черные вы-

занные перчатки. Без шашки и нагайки, возможно, все это выглядит немного легкомысленно, но одеваться так в здешние +15 уже, считай, военный подвиг!

Был в аэропорту и еще один казак. Тоже невысокий, но куда старше, с окладистой бородой и в очках. Он в компании с полицейским участвовал в охране порядка в очереди, стоящей в билетную кассу «Сочи-2014». Подойти к нему я долго не решался. Не то чтобы он выглядел слишком сурово. Просто все время либо разговаривал по мобильному телефону, либо чистил кремем и без того блестящие сапоги. Наконец, в коротком промежутке между этими занятиями мне удалось атаковать его просьбой о совместном фотографировании.

— Нам не положено, — строго отреагировал опытный казак.

— Возможно, вы подскажите, где тут остановка шаттла М4? — от неожиданности я задал первый пришедший в голову вопрос.

— Вот у него спросите, — казак с некоторым пренебрежением кивнул в сторону одиноко стоящего полицейского.

Полицейский послал меня к волонтеру, и я решил идти до конца, то есть до волонтера. Но тот сказал, что, к сожалению, ни о чем таком не знает, и послал меня еще дальше — вглубь аэропорта. Автобус М4 мне был совсем не нужен, но я совершенно точно знал, что все мы — и казак, и полицейский, и волонтер, и я — находимся именно на остановке М4.

С некоторым разочарованием я вернулся к парному патрулю молодых казаков и решил установить за ними наблюдение часа на два, чтобы уж точно увидеть хотя бы один их профессиональный подвиг. Мне показалось, что они тоже очень хотели его совершить. Не поэтому ли они стояли прямо на «зebre» пешеходного перехода — так, чтобы никто не прошел мимо, не заметив казаков. Но пассажиры все как-то не замечали, все искали свои такси, каких-то встречающих... Тогда казачий тандем занял совсем уж беспротирьшную позицию, заблокировав своими телами спуск для колесного багажа. Тут уж олимпийским гостям и впрямь деваться стало некуда, и они волей-неволей вынуждены были вступать в коммуникацию с казаками. С разной степенью дружелюбия, надо заметить.

Наконец, на исходе первого получаса свершилось то, ради чего, собственно, я прожил весь свой журналистский день. На наших глазах готовилось правонарушение. Зоркий казачий патруль выследил злоумышленника, и его половина (вероятно, лучшая) выдвинулась на передовую.

— Здесь не курят, — с предельной выдержкой сообщил казак только что прилетевшему пассажиру, который уже подносил зажигалку к сигарете.

— А где курят? — недовольно буркнул гость олимпийской столицы.

— На другой стороне улицы, — с достоинством разъяснил казак.

Фыркнув, курильщик отошел на 20 м в сторону полицейского отделения и, так и не перейдя дороги, закурил там. А казаки с чувством выполненного долга отправились обедать в местное кафе «Полет».

Они взяли два чая, два пирожка с сыром и лимонад «Дюпес». Я по-шпионски взял кофе. Потом чай. Потом употребил солянку за 100 руб. Потом тут же за соседним прилавком купил чурчхелы на 500. Казаки продолжали чаепитие. Я понял, что два часа истекли и мне пора писать свой отчет в газету. Впрочем, я уверен, что после чая казачий патруль совершил много полезного.

Судьба дорожке золота

колесо обозрения

с1

Ольга по-прежнему казалась очень спокойной, даже бесстрашной.

— Я тогда уже самостоятельной была. Я же с 14 лет ходила по другим семьям, меня брали под опеку, хотели удочерить...

— Кто?

— Сначала тетенька со двора. Она боговерующая была. Познакомились. Она меня подкармливала, халвы давала, я эту халву на дереве прятала, чтоб потом поесть... Потом дворовая собака родила. Это был водолаз... Да, водолаз. Собака обща была. Никто к себе не брал, все вместе о ней заботились.

Она родила, а щенков давать было некуда. Ребята пошли их топить, и меня забрали с собой. Я не хотела идти. Это был такой груз для меня... Я потом прибежала к этой тетеньке, и она меня долго утешала. Говорила: давай усыновим тебя. Может, ей жалко меня стало.

— Вы отказались, наверное.

— Отказалась. Потом у меня подружка на тренировке появилась. Я прямо жила у них неделями. Бабушке говорила: «Я на сборы поехала...» И в один

прекрасный день ее родители тоже говорят: «Давай мы тебя усыновим... Нельзя же так...»

— И вы опять отказались.

— Сначала я обещалась: и люди хорошие, и дом хороший, и обеспеченные... Но потом говорю: «Да как я бабушку-то свою брошу?» Родных же не выбирают...

Мимо опять куда-то по важным делам (потому что других у них нет) поплыли хоккеисты.

— Хоккеисты! — сказала она. — Одно слово — хоккеисты! Круто быть хоккеистом. Конькобежцем не так круто.

— Но зато вы уже серебро выиграли. Не факт, что они выиграют серебро.

— Каждому свое. Если человеку предназначено, то будет. У нас есть восьмикратные чемпионы мира, мировые рекордсмены... Но как бы ни пытались, олимпийскими чемпионами так и не стали. А австралиец в шорт-треке не был в элите, все попадали, а он доехал, и золото его.

— А вы думали, кем будете после спорта? Или вам рано, наверное, об этом...

— Нет, я уже задумывалась. Хочу быть полезным человеком. Я хочу в Челябинске остаться, помогать старым людям. Помогать животным, содержать ветеринарную клинику (значит, история с собакой так и не прошла для нее. — А. К.). Я хочу отвечать за беззащитных.

Она еще подумала и сказала:

— А можно выучиться на психолога, чтобы понимать, что, как, откуда идет. Вот когда люди теряют родителей — как помочь им, чтобы у их детей не было так, как получилось у них? А то я смотрю на ребенка брата и вижу, что у него такие же проявления, как у брата. А он настолько беззащитный ребенок. Они все беззащитные.

— У вас будет семья?

— Конечно, — она наконец перестает быть бесстрашной. — Какая-никакая личная жизнь есть в Челябинске! Но у меня в голове не укладывается, как можно личную жизнь не со спортсменом складывать. Мы же уезжаем постоянно. А не спортсмены остаются. Да, говорит он, возвращайся скорей, Оля, дождусь тебя обязательно. А возвращаешься и видишь: о, это уже не твоё...

Вчера она не очень хотела бежать полторы тысячи метров.

— Это нелюбимая дистанция. Я даже не расположена была.

А занимается она тем, что любит.

А главное, теми, кого любит.

Андрей Колесников

После дистанции в 500 метров Ольга Фаткулина одной ногой побывала на первом месте ФОТО ДМИТРИЯ АЗАРОВА

